

В гостиной, кроме Линь Фэнмина и Янь Юня, никого не было. И хотя обстановка и одежда участников мало соответствовали сценарию, это не помешало зрителям с головой погрузиться в их игру.

Трансляция замерла буквально на три секунды, после чего чат взорвался с невиданной силой:

«А-а-а-а! Да! Я согласен! Возьми меня, возьми!»

«Погодите... Почему они так естественно это делают?! У меня закрадываются подозрения, что они и дома в такое играют».

«Я впервые смотрю шоу о браке... Mamочки, это слишком возбуждающе!»

«Почему Линь-линь так хорошо играет?! Я в шоке. Это на голову выше некоторых так называемых актеров, которые даже сценарий выучить не могут».

«Черт, Юньцзы, тебе ведь нравится, когда тебя придавливают, да? На его месте я бы тоже не удержался!»

«Кто-нибудь понимает, насколько Ниннин сейчас горяч?! Юньцзы, ты там дома вообще нормально питаешься или только им одним? Зависть сжирает меня заживо!»

«О боже... Очки в тонкой оправе, кожаные туфли и ампула властного sub-a... Прямо в самое болезненное место! Это что, ренессанс качественного контента?!»

Линь Фэнмин придавил плечо Янь Юня ногой, но на самом деле почти не приложил силы. Даже пощечина, прозвучавшая ранее, была легкой, словно касание пуха. Однако актерское мастерство мужа было настолько безупречным, что казалось, будто его лицо действительно горит от удара.

Несмотря на отсутствие реального давления, Янь Юнь, стоя на колене, изобразил нарастающую ярость. Мышцы на его плечах вздулись так сильно, что Линь Фэнмин почувствовал это даже через подошву туфли.

Профессор на мгновение засомневался, решив, что действительно сделал партнеру больно. Но стоило ему чуть ослабить нажим, как он тут же попался в ловушку.

Янь Юнь резко рванулся вперед. С поразительной ловкостью он перехватил голень Линь Фэнмина и толкнул его назад, прижимая к спинке дивана. В его голосе зазвучала ледяная насмешка:

— Хочешь в постель со мной? Ты хоть понимаешь, что недостойн?

Как ни крути, Янь Юнь был профессионалом. От неожиданности Линь Фэнмин на миг растерлся, и его истинный характер проступил сквозь маску персонажа.

В оригинальном фильме госпожа Цзян должна была беззаботно рассмеяться, внезапно поцеловать Ци Юэ, застигнув того врасплох, а затем, обхватив его бедра ногами, совершить резкий поворот. Захват «ножницы» должен был опрокинуть противника, позволив ей сесть сверху, сжать его горло и бросить: «А ты дерзкий, малыш... Весь в мамашу свою пошел».

Однако он выдал не беззаботный смех, а холодную, колючую усмешку. Физических сил профессора явно не хватило бы, чтобы перевернуть Янь Юня, поэтому он просто вцепился в шею мужа и с силой дернул его на себя. Они столкнулись губами, и зубы Линь Фэнмина мгновенно оцарапали нежную кожу. Актер замер. Линь Фэнмин кончиком языка слизнул каплю крови с его губ и прошипел:

— Не дашь переспать — проваливай.

Зрители онемели. В фильме госпожа Цзян была женственной, хоть и обладала стальным стержнем. Линь Фэнмин же создал совершенно иной образ.

«Твою мать! Он изменил реплику?!»

«Это игра или он реально такой?!»

«Если это игра, то Линь-линь — гений. А если он такой в жизни... А-а-а-а! Юньцзы, как же тебе повезло!»

«Боже, какой он острый! Ниннин, сокровище моё!»

«Я сейчас сознание потеряю от восторга! (вопли) (бег по стенам) (падение к ногам профессора)».

«Кровь Юньцзы — это лучший спецэффект. На губах Ниннина это выглядит запредельно сексуально».

«Юньцзы: Неужели никто не заметил мою производственную травму?»

«Ха-ха, да кому она сдалась, парень явно в восторге!»

Линь Фэнмину даже не пришлось ничего изображать. Ему было лень вспоминать сценарий,

поэтому он вел себя точно так же, как в их спальне.

Дыхание Янь Юня сбилось, но он сумел вернуться в канву сюжета, изображая ошеломление от поцелуя. Линь Фэнмин, видя его молчание, презрительно изогнул бровь:

— И это всё? А гонору-то было... Мать твоя покрепче была.

Янь Юнь «пришел в себя», на его лице сменилась целая гамма эмоций: шок, гнев, лихорадочное возбуждение.

— Ты всё-таки знала мою мать! Говори, кто её убил!.. Кх...

Профессор несильно похлопал его по щеке. Янь Юнь, верный профессиональному долгу, резко дернул головой, словно от сильного удара, изображая кратковременную прострацию.

Линь Фэнмин запустил пальцы в волосы мужа и слегка потянул вниз. Янь Юнь послушно склонил голову. Профессор смотрел на него снизу вверх, но его взгляд был настолько ледяным и властным, что казалось, будто это он возвышается над поверженным врагом.

— Как невоспитанно — кричать в чужой постели, — слова, которые должны были звучать соблазнительно, в исполнении Линь Фэнмина обжигали холодом, но это лишь подстегивало азарт. — Ты и впрямь думаешь, что один во всем мире горевал по ней?

Янь Юнь тяжело и прерывисто задышал. Он зажмурился, а когда снова открыл глаза, они каким-то образом покраснели, налившись кровью.

— Ты знала её, — он буквально взмолился, подавляя гордость ради памяти матери. — Умоляю, скажи, кто это сделал.

Зрители были потрясены. Янь Юнь редко допускал посторонних к процессу своей работы, и сейчас люди впервые по-настоящему осознали, какой огромный вес стоит за титулом «Киноимператор».

В оригинале госпожа Цзян должна была затянуться сигаретой и медленно выпустить дым в лицо Ци Юэ, нежно прошептав: «Встань на колени и проси». После чего Ци Юэ, испепеляя её взглядом три секунды, должен был подчиниться.

Это была сцена унижения, полная скрытого напряжения. Она показывала всю сложность чувств госпожи Цзян: ради погибшей наставницы она спасла этого юнца, рискуя раскрытием, но в то же время винила его в смерти матери. Она считала, что если бы не он, его мать не была бы так уязвима. И сейчас она срывала на нем свою многолетнюю боль.

Но Линь Фэнмин не последовал сценарию. Он посмотрел на мужа сверху вниз:

— Хочешь знать?

Он снова изменил ход сцены. Будь на его месте любой другой актер, Янь Юнь, вероятно, уже прекратил бы работу. Но это был Линь Фэнмин, и его правки были настолько органичны, что Киноимператор безропотно подстроился:

— Да... Прошу, скажи мне.

Профессор слегка улыбнулся и прошептал ему на ухо:

— Проведи со мной ночь... и я подумаю.

Тут уже не выдержал не только Янь Юнь — зрители окончательно потеряли рассудок.

«Я сейчас просто умру от передоза эмоций!»

«А-а-а-а! Да! Я готов! Я проведу с тобой ночь!»

«Юньцзы так мастерски играет младшего братика... Спорим, он давно мечтал о таком сценарии с "нарушением субординации"!»

«Это слишком горячо! Мой мозг плавится!»

«Погодите, Ниннин изменил слова, чтобы мужу не пришлось вставать на колени? Боже, я сейчас расплачусь от нежности!»

«Юньцзы не хотел, чтобы Линь-линь играл Ци Юэ и вставал на колени, а Линь-линь в ответ не дал встать на колени ему... Как же они любят друг друга!»

Янь Юнь почувствовал, что у него перехватило дыхание. Он впервые в жизни нарушил профессиональную этику, просто не в силах продолжать.

— Снято! — он прижал Линь Фэнмина к себе, обнимая за плечи, и с укоризной постучал его по лбу. — Линь Ниннин, ты хоть иногда можешь придерживаться текста? У тебя в трех предложениях — две с половиной строчки импровизации! Тебе повезло, что режиссер — твой муж, иначе вылетел бы со съемок.

— Да-да, господин режиссер, вы так много трудились, — бесстрастно парировал Линь Фэнмин.
— Так и скажи, что не потянул мою игру. Тоже мне Киноимператор... Иди лучше на рынок

картошкой торговать.

— Вот как? — Янь Юнь усмехнулся, мгновенно видя его насквозь. — Дело только в словах? Ты превратил всю экшен-сцену в разговорную драму. Это ты играть не хотел или физическая подготовка не позволила, а, профессор Линь?

Попав в точку, он заставил Линь Фэнмина помрачнеть, отчего улыбка актера стала еще шире. В этой сцене действительно предполагалось много движений, но у Линь Фэнмина не было ни выносливости, ни техники. Куда ему было переворачивать Янь Юня через себя, когда он даже ногой пнуть толком не мог.

— Ладно, актерские способности одноклассника Линя на приемлемом уровне. На этом урок окончен, — Янь Юнь поднял его с дивана. — Но боевые навыки оставляют желать лучшего. Придется добавить урок физподготовки.

Линь Фэнмин внутренне содрогнулся при упоминании тренировок. Однако сила мужа была неоспорима, и профессору пришлось покорно плестись за ним в тренировочный зал.

После изнурительного комплекса упражнений Линь Фэнмин, промокший насквозь от пота, смотрел на Янь Юня так, словно хотел освежать его заживо. Киноимператор же выглядел бодрым и спокойным. Стоило Линь Фэнмину попытаться сесть на пол, как мужчина тут же подхватил его за талию:

— Не садись сразу после нагрузки. Походи немного.

Скрепя сердце, Линь Фэнмин был вынужден «расслабляться» в объятиях мужа.

Когда растяжка наконец закончилась, Янь Юнь расстелил на полу коврик для йоги. Чтобы в точности повторить движения из фильма, он велел Линь Фэнмину лечь.

— Когда работаешь ногами, пресс должен быть максимально напряжен, иначе сила рассеется, а движение будет выглядеть вялым и некрасивым, — наставительно произнес Янь Юнь, прижимая ладони к влажным от пота бедрам мужа. — Почувствуй, как работают мышцы здесь. Голени расслабь.

Линь Фэнмин лежал на коврике, растрепанные пряди волос прилипли к щекам. Его лицо покраснело, глаза метали молнии, а кожа сияла от испарины. Зрители в чате не унимались:

«О-хо-хо, что мы видим!»

«Ниннин такой красивый!»

«Черт, это же вид сверху! Юньцзы, ты решил нас добить? Никто не отнимет у тебя жену, успокойся!»

«Опять он за свое! Я требую заявить о харассменте на рабочем месте!»

«Куда ты руки тянешь?!»

«"Напряги бедра, расслабь голени"? Что это за упражнение такое?»

«Брачные игры! (ответ дан мгновенно)».

«О да, обожаю этот контент! В прошлый раз, когда я такое смотрел, ко мне постучали из отдела по защите нравственности».

Стиснув зубы, Линь Фэнмин терпел наставления «тренера Яня», чувствуя, как его ноги принудительно разводятся в стороны. В какой-то момент его терпение лопнуло:

— Ты можешь просто объяснять, а не распускать руки?

Янь Юнь нахмурился:

— У тебя нет базы. Если будешь напрягаться неправильно, заработаешь травму.

— ...

Слова мужа звучали настолько невинно и профессионально, что Линь Фэнмин почувствовал себя неловко за свои подозрения. Он гневно сверкнул глазами и процедил сквозь зубы:

— Хватит теории. Практика лучше любых слов.

Янь Юнь посмотрел ему в глаза три секунды и усмехнулся:

— Идет. Давай.

С этими словами он коленями раздвинул ноги Линь Фэнмина и прижал его к коврику:

— Сомкни ноги. Сожми меня крепче.

Линь Фэнмин почувствовал, как к лицу прилила жара, но все же обхватил бедра Янь Юня

ногами. В этом положении его верхняя часть тела лишилась опоры, и он инстинктивно потянулся к плечам мужа, но тот безжалостно перехватил его руки и прижал их к полу над головой:

— В фильме госпожа Цзян держит трубку в правой руке, так что никакой помощи от рук.

Он сделал паузу, и его голос внезапно стал глубже:

— Слишком слабо. Сожми сильнее.

Линь Фэнмин в ярости приложил все силы. Мышцы бедер напряглись, он резко качнул бедрами, пытаясь опрокинуть мужа, и Янь Юнь действительно завалился набок под его напором. Линь Фэнмин мгновенно оказался сверху, тяжело дыша и глядя на поверженного противника:

— Ну что, признаешь поражение?

— Сносно, но детали нужно доработать, — Янь Юнь посмотрел на него и вдруг улыбнулся. — Сиди крепче, сейчас покажу, как надо.

Линь Фэнмин вздрогнул:

— Что ты замыш... а-а!

Он не успел договорить. Мощный толчок снизу — и Линь Фэнмин, не успев среагировать, оказался на лопатках. Но это было еще не все. Стоило ему попытаться подняться, как руки его были заломлены за спину, а колено мужа уперлось в поясницу. Силы мгновенно покинули его, и он ничком повалился на коврик.

Безупречный прием, которому Янь Юнь научился у бывшего капитана уголовного розыска, не оставил Линь Фэнмину ни единого шанса. Профессору оставалось только мысленно проклинать мужа, кусая губы от досады.

— Ну что, признаешь поражение? — прошептал Янь Юнь ему на ухо, слегка смеясь. — А?

Лицо Линь Фэнмина было плотно прижато к мату, но он упрямо выдохнул:

— Нет...

Янь Юню даже не нужно было смотреть: он колено в колено нашел ямочку на пояснице мужа и с силой в нее уперся, слегка провернув. Линь Фэнмин резко вдохнул, его зрачки сузились.

— Признаешь? — Янь Юнь погладил его запястья.

Линь Фэнмин дышал тяжело и прерывисто. Спустя долгую паузу он едва слышно прошептал:

— ...Признаю.

Янь Юнь нарочно склонился ниже:

— Что?

В этот момент Линь Фэнмин внезапно повернул голову. Его губы скользнули по уголку рта мужа, задев еще не зажившую царапину. Янь Юнь замер, его хватка невольно ослабла. Линь Фэнмин тут же вырвал руки и с ледяным лицом оттолкнул его от себя.

Понимая, что момент упущен, Янь Юнь тут же вскинул руки вверх, демонстрируя чудеса благоразумия:

— Все, я сдаюсь. Сдаюсь!

Линь Фэнмин холодно процедил:

— Поздно.

Он уже готов был применить силу, его тонкие пальцы коснулись шеи мужа, но Янь Юнь вдруг подался вперед и без всякого предупреждения поцеловал его.

В голове у профессора мгновенно стало пусто. Глаза расширились от шока, пальцы невольно разжались. Он замер, напоминая олененка, застигнутого врасплох.

Зрители окончательно сошли с ума:

«А-а-а-а! Что вы творите?!»

«Я сдаюсь! Я тоже сдаюсь! Хватит кормить нас сахаром, я сейчас умру от счастья!»

«Это просто семейные игры... Вы серьезно называете это тренировкой?!»

«Только и знают, что целоваться! Дайте мне тоже его поцеловать!»

«Коварный Юньцзы! Как же он привык это делать... Видно, за семь лет брака он натренировался вдоволь!»

«Боже, как он может быть одновременно таким дерзким и таким невинным?! Ниннин, почему ты не наказал его за это?! Этот растерянный взгляд просто преступен!»

«Убейте меня, пусть моя смерть станет украшением их любви!»

Придя в себя, Линь Фэнмин мгновенно вспыхнул от гнева. Янь Юнь, словно предвидя его реакцию, тут же заговорил первым:

— Я чувствую, что твоим мышцам не хватает тонуса. Давай еще пять подходов на пресс.

— Пять? — холодно переспросил Линь Фэнмин. — Делай их сам.

Он развернулся, намереваясь уйти, но Янь Юнь поймал его за запястье и после долгих уговоров и ласковых слов все же убедил закончить тренировку.

Они провели остаток дня за шумными упражнениями, а в общем чате трансляции творилось нечто невообразимое. Но у других пар дела обстояли не столь радужно.

После ухода Чжэн Чуханя тяжелее всего должно было прийти Му Яну, но в итоге в самом неловком положении оказался Жуань Сянь. Своими руками выпроводив партнера, он теперь был вынужден наблюдать за чужим счастьем. Слово «неуютно» даже наполовину не описывало его состояние.

Му Ян же выглядел отрешенным. Он явно перегорел в чувствах к Чжэн Чуханю, но доброта и чувствительность заставляли его нет-нет да и задумываться о том, как там сейчас его бывший муж.

Зрители дали его состоянию безупречное определение: «Красивый вдовец средних лет, который уже не любит мужа, но тот внезапно скончался как раз перед разводом».

***

Вечер

Вечером Линь Фэнмин и Янь Юнь спустились к ужину. После некоторых... событий в душевой атмосфера между ними была несколько натянутой, но в гостиной всё оказалось еще сложнее. Дуань Синбэй сидел рядом с Цинь Фэном, боясь даже вздохнуть лишний раз.

Линь Фэнмин сменил одежду и снял очки. Многие новые зрители, пришедшие сегодня, никогда не видели его в таком домашнем образе, поэтому чат тут же оживился. Чего зрители не знали, так это того, что за весь прошлый месяц у него было всего пара комплектов одежды, причем почти одинаковых. Студенты профессора за несколько семестров не видели на нем столько разных вещей, сколько он сменил за эти дни.

Увидев профессора, Дуань Синбэй словно обрел спасение. Он искренне восхитился:

— Профессор Линь, вам так идет этот образ! Это тоже Киноимператор Янь выбирал?

Янь Юнь не упустил случая похвалить его:

— У тебя отличный вкус.

Актер буквально светился от счастья, на что Линь Фэнмин лишь холодно хмыкнул. Дуань Синбэй захлопал глазами, напоминая испуганную белку, и профессор поспешил добавить:

— Это не тебе.

Юноша интуитивно почувствовал искру между супругами, но в силу неопытности не смог понять её природы. Он лишь закивал:

— Понимаю... Кстати, вы умеете работать на земле? Кажется, следующее задание связано с фермерством.

Судя по намекам ведущего, участников ждал сельский труд. Линь Фэнмин нахмурился, и все решили, что он бесконечно далек от сохи, но он неожиданно произнес:

— Немного умею.

Дуань Синбэй просиял:

— Мы с господином Цинем в этом ничего не смыслим. Профессор Линь, вы и это умеете? Невероятно!

Дуань Синбэй был настолько мил и искренен, что Линь Фэнмин, при всей своей нелюбви к крестьянскому труду, не нашел в себе сил сказать правду. Янь Юнь тут же вмешался, переводя тему:

— А почему ты не спросишь, умею ли я?

Янь Юнь, блистательный Киноимператор, которого привыкли видеть только на красных дорожках или премьерах, никак не вязался с образом пахаря.

— И вы тоже умеете?! — Дуань Синбэй округлил глаза. — Вы так похожи во всем... Вы идеальная пара!

За время шоу Линь Фэнмин слышал это бесчисленное количество раз, но сейчас впервые не захотел спорить. В глубине души закралось абсурдное чувство согласия.

— Не верь ему, он хвастает, — Линь Фэнмин покосился на мужа. — Всё его фермерство — это вырыть ямку, бросить семечко и, в лучшем случае, полить пару раз.

Чэн Сюй, настоящий городской интеллигент, подал голос:

— А разве этого недостаточно?

Линь Фэнмин промолчал. Среди этих «белоручек» Янь Юнь, оказывается, еще был самым опытным. Пока остальные увлеченно рассуждали о том, в чем совершенно не разбирались, профессор слушал их с горькой усмешкой, а в памяти всплывали картины, о которых он предпочел бы забыть навсегда.

***

Флэшбек

До того как Линь Фэнмину исполнилось семь, Линь Ань еще был в состоянии позаботиться о себе сам, но у родителей не хватало времени на младшего сына. Денег на детский сад тоже не было, поэтому мальчика отправили в деревню к деду, Линь Цзянькуню.

Линь Юнхуэй, отец Фэнмина, был вторым сыном, и, словно по злему року, дед тоже недолюбливал его, отдавая предпочтение старшему брату. Линь Фэнмин рос бледным и красивым ребенком, но из-за плохого питания был настолько худым, что соседи дразнили его девчонкой.

За спиной шептались, что у второго сына Линей первенец — калека, а второй — девка девкой, не видать им продолжения рода. Линь Цзянькунь, разъяренный этими слухами, решил доказать «мужественность» своей семьи весьма своеобразным способом: он свалил половину тяжелой работы на маленького Фэнмина и его еще более хрупкую двоюродную сестру. Зато «старшего внука», который наезжал лишь изредка, берегли как зеницу ока — ему даже на солнце лишний раз выходить запрещали.

С четырех лет Линь Фэнмин собирал колосья за бабушкой, с пяти — пас овец. Однажды деревенский сумасшедший напугал стадо. Одна овца бросилась к обрыву, и ребенок, пытаясь

удержать её, едва не улетел следом. В итоге овца сорвалась, но веревка зацепилась за дерево на краю. Животное не разбилось, оно просто задохнулось в петле.

В деревне тушу павшей скотины продать невозможно, а везти в город на бойню — дорого. Поэтому, если скотина не была больной, её просто забивали и съедали дома, угощая соседей. Детям в таких случаях тоже перепало по миске мяса. Дед тогда решил, что Фэнмин нарочно задушил овцу, чтобы поесть мяса, и в наказание избил его кнутом.

Тот кнут был из воловьей кожи, сплетенной с жесткой травой — таким обычно стегали быков. На овцах его не использовали — слишком хрупкие, могли сдохнуть раньше времени. Но дети... Дети крепче скотины.

Главное отличие человека от зверя — умение терпеть. Голодный конь не пойдет, а голодный человек может пройти сотни миль. Побитая овца заболевает, а побитый ребенок все равно будет любить родителей, пока однажды не поймет: тот, кто действительно любит, никогда не поднимет руку.

Дед бил его не раз. И если за овцу был хоть какой-то повод, то чаще всего в деревне детей бьют просто так. В полдень не хочешь идти на жару собирать кукурузу — получи удар. Утром не встал до рассвета жать хлеб — снова удар. Вечером захотел сбежать в кино на окраину — и за это прилетит.

Так в Линь Фэнмине укоренилась почти физическая неприязнь к любому сельскому труду. Его заставляли ездить в деревню на все каникулы до самой старшей школы. И только когда он поступил в лучший лицей провинции, войдя в десятку лучших учеников города, эта мучительная жизнь закончилась.

Он никогда не понимал «деревенской тоски» поэтов. О чем они грустили? Что хорошего в том, чтобы с утра до ночи гнуть спину в поле?

Всё изменилось, когда он встретил Янь Юня. Профессор вспомнил, как вскоре после свадьбы его семидесятилетний дед приехал в город по льготному проездному, который ему оформил старший внук, лишь для того, чтобы проклясть Фэнмина за его «позорную» ориентацию.

Янь Юнь тогда пришел в ярость. Он буквально заставил старика вернуться в деревню, и Линь Фэнмину пришлось поехать с ними. По приезде мужчина усадил мужа в тени на раскладной стульчик и запретил ему даже шевелиться. На глазах у всей деревни Янь Юнь в одиночку за неделю переделал всю работу, которую дед планировал на месяц. И сделал это безупречно. Вся деревня замерла от удивления.

Линь Цзянькунь был несказанно рад, но перед соседями продолжал хвалить старшего внука и принижать младшего:

— Линь Нинъань и в подметки нашему Фулу не годится... Ведет себя как баба, ни стыда ни

совести. А этот? Да так, подобрал где-то парнишку городского. Работает, правда, шустро... Ну и что, что городской? Раз связался с мужиком, пусть теперь пашет на нас, отрабатывает.

Когда дед уже вовсю праздновал триумф, Янь Юнь закончил последний ряд, швырнул последнюю связку снопов к ногам старика и произнес при всех:

— Всё. Я отработал за своего мужа на тридцать лет вперед. Ты, старый хрыч, до ста вряд ли дотянешь, так что в следующий раз увидимся только на твоих похоронах. Кстати, я сообщил властям, что ты незаконно получаешь пособие. Продай этот урожай — как раз хватит на гроб. Не благодари.

Старика чуть удар не хватил. Тут подоспел Линь Юнхуэй, отец Фэнмина, и набросился на сына:

— Ты... ты привел этого хама, чтобы свести деда в могилу?!

Линь Фэнмин в этот момент не сводил глаз с мужа. Слова отца вырвали его из раздумий, вызвав лишь раздражение. Он холодно взглянул на родителя:

— Он еще жив. А если умрет — запиши на мой счет. Ты же у нас такой любящий сын — может, и в могилу за ним прыгнешь?

Линь Юнхуэй от ярости не мог вымолвить ни слова:

— Ты... ты!..

— Ой, вы что, ослепли или оглохли? — Янь Юнь холодно усмехнулся и, рванув Линь Фэнмина себе за спину, пнул раскладной стульчик. Тот пролетел в сантиметре от лица отца Фэнмина и в щепки разлетелся о стену дома. — Старик если и подохнет, то по моей вине. И если ты еще раз посмеешь тыкать в моего мужа пальцем — пеняй на себя.

С того дня Линь Цзянькунь и его семья потеряли в деревне всякое уважение. Стоило кому-то упомянуть старика, как тут же вспоминали: «А, этот? Тот самый, что полмесяца хвастался бесплатным работником, а в итоге был послан к черту мужем собственного внука?»

В конце концов они не выдержали позора. Для таких людей потеря лица была хуже смерти. Они были вынуждены уехать, оставшись в памяти деревни вечным анекдотом.

***

Линь Фэнмин, погруженный в эти мысли, невольно посмотрел на Янь Юня. Тот, как оказалось, тоже смотрел на него. Заметив взгляд, Киноимператор вскинул брови:

— О чем думаешь? У тебя взгляд какой-то странный.

Линь Фэнмин ответил прямо:

— Думаю о моменте, когда ты заставил моё сердце трепетать сильнее всего.

Обычно в других вопросах он был предельно откровенен, но столь прямое признание прозвучало из его уст впервые. Янь Юнь на мгновение опешил. Он почувствовал, как внутри всё перевернулось от одной фразы, и, пытаясь скрыть волнение, небрежно спросил:

— И когда же это было?

Зрители тоже затаили дыхание, ожидая услышать какую-то красивую историю из прошлого. Но Линь Фэнмин, помолчав три секунды, ответил:

— Сейчас.

<http://bllate.org/book/15367/1411669>